

ДМИТРИЙ А. УЗЛАНЕР

Московская высшая школа социальных и экономических наук; Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-4377-3252

Нейропсихоанализ и его концептуальные проблемы

doi: 10.22394/2074-0492-2020-2-48-72

Резюме:

Данная статья посвящена критическому рассмотрению нейропсихоанализа — междисциплинарного направления, сложившегося в конце XX века и поставившего перед собой задачу объединения нейронаук с психоаналитическим подходом. Автор обращает внимание на концептуальные пробелы этого амбициозного начинания. Главный из них — недостаточное внимание к психофизической проблеме (проблема сознание — тело или mind-body problem), что приводит к игнорированию принципиальной разницы между мозгом и психикой и попыткам вывести принципы функционирования последней из наблюдений за мозговой активностью. Это в свою очередь ведет к дальнейшим проблемам: проблеме перевода и поиска соответствия между психоаналитической теорией, основанной на насыщенном наблюдении за психической активностью субъекта, и концептуальным инструментарием нейронаук. Какой процент потери смысла при этом переводе может быть признан приемлемым и что остается от психоанализа в результате такой процедуры? Еще одна проблема связана с интересубъективной символической природой человеческого желания, которая не может быть выведена из наблюдений за физиологией мозга. Наконец, автор обращает внимание на то, что сами нейронауки — и нейропсихоанализ тут не исключение — уже изначально вплетены в социально-культурное пространство, что делает их легкой жертвой современных, порой имплицитных, идеологических установок. Статья заканчивается призывом к большей рефлексивности относительно нейропсихоанализа со стороны обеих заинтересованных сторон — как со стороны психоаналитиков, так и со стороны нейрочеловеков.

48

Узланер Дмитрий Александрович — кандидат философских наук, научный сотрудник Московской высшей школы социальных и экономических наук и Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Москва, Россия). Научные интересы: социальная теория, социология религии, Жак Лакан, прикладной психоанализ, теория субъекта. E-mail: uzlanerda@gmail.com

Ключевые слова: нейропсихоанализ, Марк Солмс, психоанализ, сознательное Оно, Зигмунд Фрейд, нейронаука, двухаспектный монизм

Dmitry A. Uzlaner

Moscow School of Social and Economic Sciences; Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-4377-3252

Neuropsychanalysis and Its Conceptual Problems

Abstract:

This article is devoted to a critical analysis of neuropsychanalysis, an interdisciplinary field that emerged at the end of the 20th century and set itself the task of combining neuroscience with the psychoanalytic approach. The author draws attention to the conceptual gaps of this ambitious undertaking. The main gap is argued to be the insufficient attention paid to the psychophysical problem (or mind-body problem), which ends up overlooking the fundamental difference between brain and psychic/mental reality, and attempts to derive the principles of functioning of the latter from the observations of brain activity. This, in turn, leads to further problems: the problem of translation and search for a correspondence between psychoanalytic theory based on a thick observation of the subject's mental activity and the conceptual tools of neurosciences. What percentage of loss of meaning in this translation can be recognized as acceptable and what remains of psychoanalysis as a result of such a procedure? Another problem is related to the intersubjective symbolic nature of human desire, which cannot be deduced from observations of brain physiology. Finally, the author draws attention to the fact that neurosciences — and neuropsychanalysis is no exception here — are already initially interwoven into social and cultural space, making them easy victims of contemporary — sometimes implicit — ideological attitudes. The article concludes with a call for greater reflexivity regarding neuropsychanalysis on the part of both interested parties — psychoanalysts and neuroscientists.

49

Keywords: psychoanalysis, neuropsychanalysis, Mark Solms, conscious Id, Sigmund Freud, neuroscience, dual-aspect monism

В последние десятилетия благодаря значительным успехам нейронаук — в том числе успехам в медийном простран-

Dmitry A. Uzlaner — Researcher at the Moscow School of Social and Economic Sciences and at the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia). Research interests: social theory, sociology of religion, Jacques Lacan, applied psychoanalysis, theory of subject. E-mail: uzlanerda@gmail.com

стве — приставка «нейро-» стала чуть ли не обязательным дополнением практически любой дисциплины: появилась нейрофилософия, нейроправо, нейроэкономика и даже нейротеология. Обилие подобных «нейроначинаний» не всегда вызывает восторг и умиление. Эта увлеченность «нейро-» уже неоднократно подвергалась обстоятельной и достаточно разумной критике со стороны скептически настроенных исследователей: так называемых нейроскептиков [Bennett, Hacker 2003; Tallis 2011; Legrenzi et al. 2011]. Нейропсихоанализ может быть рассмотрен как еще одна дисциплина в этом ряду. И в этом смысле он тоже неизбежно должен стать объектом критического рассмотрения со стороны нейроскептиков¹. Собственно, такая критика нужна самому нейропсихоанализу, если эта дисциплина претендует на то, чтобы сохраниться в истории науки. Одна из статей, опубликованных в журнале «Neuropsychanalysis», основном печатном органе данного направления, заканчивается призывом к появлению «философии нейропсихоанализа», которая занималась бы «далеко идущими размышлениями» относительно тех фундаментальных теоретических вопросов, с которыми данная дисциплина сталкивается [Talvitie, Ihanus 2006: 96]. Моя рефлексия делает шаг в этом направлении: с одной стороны, она отдает должное этому начинанию, а с другой — не может не обратить внимание на имеющиеся на данный момент концептуальные трудности.

Нейропсихоанализ и двухаспектный монизм

Однако прежде чем говорить об этих концептуальных трудностях, необходимо сказать несколько слов о самом нейропсихоанализе². Нейропсихоанализ обязан своему возникновению Марку Солмзу³, профессору Университета Кейптауна, известному своими исследованиями сна, который сумел совместить в себе две идентичности: психоаналитика и нейропсихолога. В 2000 г. Солмз вместе с коллегами основывает Международное нейропсихоаналитическое общество. В это же время начинает выходить журнал «Нейропсихоанализ»⁴. Базовая установка нейропсихоанализа заключается в том, что нейронаука и психоанализ изучают одно и то же — человеческий ум

1 См., в частности, критику: [Blass, Zvi Carmeli 2007; Blass, Zvi Carmeli 2015].

2 Более подробно о нейропсихоанализе см.: [Узланер 2017: 247-254]. Также см. [Schwartz 2015].

3 См., например: [Solms, Turnbull 2002]. Есть русский перевод одной из работ: [Каплан-Солмз, Солмз 2016].

4 Официальный сайт журнала: <http://www.tandfonline.com/toc/rnpa20/current>.

(разум/сознание)¹. Но изучают его с двух разных сторон: нейронаука — извне как физический объект (мозг); психоанализ — изнутри как мир человеческой субъективности. По мнению представителей нейропсихоанализа,

мы должны извлечь всю возможную пользу из того обстоятельства, что наш психический аппарат может восприниматься с двух разных сторон. Если мы будем смотреть на него своими собственными глазами (через направленную вовне перцептивную поверхность), то мы увидим мозг: влажный, желеобразный, дольчатый, вросший в прочие ткани тела. Однако же если мы будем наблюдать за ним через нашу внутренне направленную перцептивную поверхность, то интроспективно мы столкнемся с ментальными состояниями, такими как желание и удовольствие. Если мы примем подобный философский подход, то из него естественным образом вытекает желание использовать оба возможных взгляда на наш объект исследования, т. е. и взгляд извне, и взгляд изнутри [Solms, Turnbull 2011: 137].

Если перевести эту фразу на язык современной философии сознания, то такая позиция может быть обозначена как «двухаспектный монизм» (dual-aspect monism). Суть этой позиции в том, что ум и мозг — это две стороны чего-то третьего. Мозг позволяет увидеть это третье со стороны объективной реальности, доступной для изучения «с позиции третьего лица»; сознание/разум/ум (mind) позволяет увидеть это третье со стороны субъективно переживаемых состояний, доступных для изучения «с позиции первого лица» [Solms, Turnbull 2015: 22].

Но что это за загадочное третье, разными сторонами которого оказываются как мозг, так и ум? В качестве такового в нейропсихоанализ вводится «психический аппарат» Фрейда, который с физиологической стороны оказывается мозгом, а с субъективной стороны — сознанием. Психический аппарат оказывается той загадочной декартовской шишковидной железой, в которой происходит таинственный переход от физического к психическому и от психического к физическому. Вопрос об этом переходе, собственно, и составляет ядро так называемой проблемы сознание — тело. Нас в данном контексте интересует следующий аспект данной проблемы: по какому принципу идет перекодирование физического в психическое или физиологических процессов мозга в субъективную реальность со-

1 В оригинале mind. Я предпочитаю переводить mind как ум, так как остальные варианты кажутся мне еще менее удачными: термин «сознание» по сути исключает те части ума, которые не являются сознательными (а для психоанализа это принципиально), термин «разум» слишком сильно нагружен когнитивистскими смыслами, которые опять же в контексте психоанализа не слишком уместны.

знания? Ответ на этот вопрос имеет принципиальную значимость для построений нейропсихоанализа.

Мозг или психика? Концептуальные проблемы нейропсихоанализа

Субъективная реальность психики — это не просто мозг плюс квалиа, т. е. субъективное переживание процессов в мозгу. Различия субъективной реальности и мозга гораздо более фундаментальны и разительны. Нигде в нашем сознательном опыте, как бы сильно мы не вглядывались в окружающие нас предметы, мы не обнаружим ни полушарий, ни мозжечка, ни амигдалы. Не обнаружим мы и электрических импульсов вместе с нейротрансмиттерами. Мы наблюдаем виртуальную реальность [Revonsuo 2009, 2010, 2018; Metzinger 2011; Lehar 2012] или лучше сказать психическую реальность, репрезентирующую внешнюю для нас объективную физическую реальность, если таковая вообще существует. Структура этой психической реальности принципиально отличается от структуры физиологических процессов мозга [подробно об этом пишет: Tallis 2011]. Сознание интенционально, оно имеет дело с целостным опытом, тогда как мозг, наоборот, членит поступающие к нему сигналы, обрабатывая их в самых разных местах, зачастую просто физически удаленных от тех органов, через которые поступает информация. Например, зрительная информация обрабатывается не в передней части, где находятся глаза, а в затылочной. Наконец, дело не только в том, что структура психической реальности отличается от структуры мозговой физиологии, но еще и в том, что эта психическая реальность существует для кого-то — она существует для *субъекта*, которому помогает ориентироваться в окружающей среде.

52

Тогда как материальный свет попадает в мозг физическим образом, взгляд, который выглядывает изнутри, не является продолжением цепочки физических событий. Глядит человек, а не мозг [Tallis 2011: 109]¹.

Именно в силу фундаментального качественного различия между физиологическими и психологическими процессами мы и нуждаемся в психическом аппарате, способном решить проблему связывания (*binding problem*), т. е. синтезировать разрозненные импульсы мозга в единое скоординированное целое. Но мы снова и снова упираемся в то, что мозг — это физический орган, а сознание — ор-

1 К проблеме исчезновения субъекта из картины нейропсихоанализа мы еще вернемся чуть позже.

ган психический. Недостаточно просто скоординировать импульсы и упорядочить их. Необходимо перепрыгнуть вместе с этими импульсами через пропасть — попасть из физической реальности в психическую или феноменальную. Я постоянно подчеркиваю проблему перехода из одной реальности в другую, так как это имеет принципиальное значение для нейропсихоаналитического начинания.

Дело в том, что нейропсихоанализ, по крайней мере в своих многочисленных теоретических работах, не уделяет должного внимания радикальности этого перехода — он свободно переходит от мозга к уму, как будто бы не перепрыгивает пропасть, а переходит тоненький ручеек¹. В итоге получается не заявленный двухаспектный монизм, который все-таки предполагает, что мы имеем дело с двумя равнозначными аспектами чего-то третьего, а не просто с мозгом, который, с другой стороны, еще и сознание [Stubenberg 2010]. Местами подход нейропсихоанализа начинает напоминать просто «нейтральный монизм» (neutral monism), который в отличие от двухаспектного монизма не различает физическое и психическое в качестве двух равнозначных аспектов чего-то третьего, но рассматривает их как просто разные перегруппировки того же самого.

53

Группированные одним образом нейтральные сущности, из которых конституирован ваш мозг, являются мыслями или чувствами; группированные другим образом, они являются атомами, нейронами и лобными долями [Ibid.].

Причем этой загадочной нейтральной сущностью в конечном счете оказывается именно мозг, т. е. физический орган, который каким-то образом при этом постулируется еще и в качестве чего-то нейтрального, что заставляет предположить, что это нейтральное — просто замаскированное наименование материального, позволяющее сделать перескок к психическому максимально бесшовным и невидимым. Это приводит и к дальнейшим концептуальным проблемам: например, при переходе от физиологии к психологии или же при переходе от биологического к социально-культурному.

Например, Як Панксепп просто говорит о МозгеУме (BrainMind) или УмеМозге (MindBrain), подразумевая, что перед нами нечто единое, просто в первом случае речь идет о взгляде «снизу вверх», а во втором — о взгляде «сверху вниз» [Panskepp, Biven 2012]. Георг Нортхофф, автор одной из самых глубоких с философской точки зрения работ по теории нейропсихоанализа, отождествляет «психический аппарат» с «функционирующим мозгом» (functioning brain),

¹ Например, в статье, посвященной «трудной проблеме сознания», Марк Солмс так и не подходит к этому вопросу во всей его сложности: [Solms 2014].

т. е. психическое с физическим. Такой вывод можно сделать хотя бы в тот момент, когда он описывает «пространственно-временную структуру» (spatiotemporal structure) как бесшовно связанную с мозгом, говоря просто о «пространственно-временной структуре мозга, находящего в состоянии покоя» (brain's resting state's spatiotemporal structure) [Northoff 2012: 6]. Но пространственно-временная структура — это именно психическая сущность, которая может иметь нейронные корреляты (neural correlates), но которая при этом сама не может быть сведена к физиологии. То есть где-то тут сидит то, что вслед за Гуссерлем можно назвать материалистическим абсурдом, т. е. очевидно абсурдной попыткой соединения несоединимых измерений [Reynaert 2016: 65-72]. При этом сам подход Нортхоффа предельно интересен: он предлагает изучать не привычные «нейронные корреляты сознания», но «нейронные предрасположенности сознания» (neural predispositions of consciousness) [Northoff 2011: 47]. Таким образом, он предлагает задаться вопросом, как мозг кодирует имеющиеся у него сигналы и придает им ту форму, которая может быть узнана в архитектуре феноменального человеческого сознания. В частности, он упоминает о двух элементах этого функционирующего мозга (functioning brain): «процессы, имеющие отношение к Я» (self-relating processes), и «различение по осям мозг — Я и мозг — объект» (brain — self and brain — object differentiation).

54

Как бы нам не был симпатичен подход Нортхоффа, мы все же не можем не задаться вопросом: почему в качестве этого третьего понятия используется именно термин functioning brain, а не functioning mind? Действительно ли functioning brain ничем не отличается от functioning mind? Если же отличается, то где и в какой момент возникает именно functioning mind, т. е. именно психический аппарат, который на верхних ярусах приводит к субъективно переживаемому опыту. Но, может быть, различение mind и brain — это просто игра словами? Если это и игра, то не большая, чем игра в различение мозга и сознания. Переход от мозга к психике — это не просто плавное перетекание электрических импульсов в элементы феноменальной реальности — элементы феноменальной реальности не состоят из электрических импульсов, они лишь коррелируют с ними. Это прыжок через пропасть, которую невозможно заделать терминологическими скачками, просто превратив психический аппарат в functioning brain, который в свою очередь легко превращается просто в brain.

Нейропсихоанализ и проблема перевода

Этот фундаментальный вопрос начинает иметь практическую значимость в тот момент, когда мы осуществляем перевод психо-

аналитической теории на язык нейронауки и обратно. Отношение к психофизической проблеме (или проблеме сознание — тело) не как к пропасти, но как к ручейку приводит к попыткам провести прямую параллель между функционированием мозга и функционированием субъективной реальности. В частности, имплицитно предполагается, что структура мозга должна соответствовать структуре психического аппарата, а значит, и структуре субъективного опыта. Такое предположение приводит к упрощению и даже примитивизации сложной психоаналитической теории, которая разрабатывалась для анализа именно психической сферы. Это психическое может быть прямо сопоставлено с физиологическим только за счет радикального упрощения первого, так как любая психическая сложность окажется неизбежно сопряженной с проблемами своего проецирования на физиологию как в смысле того, что физиология просто иначе устроена, так и в смысле того, что наши методы такого проецирования слишком прямолинейны хотя бы даже в техническом плане.

В частности, Марк Солмс в своих работах критикует Фрейда за то, что он называет «кортикальноцентрической ошибкой» (corticosentric fallacy). То есть за представление Фрейда о том, что сознание связано с «высшими кортикальными функциями» (higher cortical functions) [Solms 2017: 19]. Вместо этого Солмс обращает внимание на более современные теории, которые увязывают сознание с «самыми глубинными частями мозга» (inmost interior of the brain) [Ibid.]. Отсюда Солмс делает фундаментальные выводы, имеющие отношение к базовым положениям фрейдовской метапсихологии. Например, фрейдовское бессознательное (Оно) вовсе не бессознательно¹, а бессознательным является как раз эго, которое просто «одалживает» сознание в тот момент, когда ему надо решить ту или иную проблему с удовлетворением запросов Оно, которая не решается автоматически или решается автоматически не так, как нужно [Solms 2013: 20; Solms 2017: 31-32]. Проблема здесь не в том, прав ли Солмс в данном конкретном вопросе о нейронной локализации сознания, проблема в самом принципе: проецировании структуры физиологии мозга на структуру субъективной реальности². Вполне возможно, что на уровне физиологии это точное описание происходящих в мозгу процессов, но насколько это точное описание на уровне психики? Здесь как минимум нужна верификация

1 См. наиболее детально рассмотрение: [Solms 2013: 5-85]. Со страницы 20 идет интересное критическое обсуждение идей Солмса со стороны ведущих психоаналитиков и нейрочелючных.

2 См. обсуждение этого аспекта: [Hartmann Cardelle 2019: 3-22].

с другой стороны: узнавание этого описания в опыте своей жизни. Можно, например, заметить, что психические проблемы человека не сводятся к тому, чтобы просто эффективно с помощью своего Я решать те понятные задачи, которые перед ним ставит Оно. Если бы человек точно понимал проблему, которую надо решить, ему вряд ли требовались усилия психоаналитиков, да и в целом психотерапевтов, задача которых порой заключается в том, чтобы помочь человеку хотя бы приблизиться к пониманию того, в чем именно его проблема заключается. Одно из главных достоинств психоанализа — это создание предельно сложного описания мира человеческой психики, в котором люди смогли бы себя узнать. Едва ли стоит жертвовать этой сложностью во имя гармонизации с нейронаукой при условии, что основания этой гармонизации так до конца и не прояснены. А если уж говорить о гипотетической ошибке Фрейда, то она заключается вовсе не в неверном приписывании сознания к коре, а, собственно, в самой попытке увязать психологическую структуру с физиологической.

56

Простое проецирование физического на психическое приводит к фундаментальной проблеме нейропсихоанализа — проблеме перевода и неузнавания психоаналитиками своих концепций после их пропуска через сито нейронауки. Что теряется в тот момент, когда психоаналитическое понятие переводится в нейронаучное? Какой процент содержательной потери может быть признан приемлемым? Например, если фрейдистское понятие «вытеснение» (*Verdrängung*; *repression*) не поддается прямому переводу на язык нейронауки, то не следует ли это интерпретировать как указание на то, что вытеснение — это психический феномен. Разве это не более здравая стратегия по сравнению с переинтерпретацией данного понятия как обозначения забывания некогда принятых решений, которые в буквальном смысле впечатываются в нейронные сети на уровне головного мозга? А психоаналитическую работу с вытеснением как помощь человеку в пересмотре этих некогда принятых решений [Solms 2017: 29-31]. Это интересная интерпретация вытеснения, но она отсылает скорее к когнитивно-бихевиоральной терапии, нежели к тому вытеснению, о котором писал Фрейд, имея в виду именно психическую реальность, а не реальность физиологии человеческого мозга. Где заканчивается нейропсихоанализ именно как психоанализ и начинается просто нейронаука с элементами фрейдизма? Как такие реинтерпретации соотносить с претензией нейропсихоанализа на то, чтобы быть не просто еще одной школой психоанализа, а - «связью между всеми разновидностями психоанализа и нейронауками»? [Solms, Turnbull 2015: 31]

Решение Фрейда в 1895 г. оставить проект, предполагавший объединение нейронауки своего времени с психоаналитическими ис-

следованиями, интерпретируется сегодня исключительно в смысле указания на то, что наука конца XIX — начала XX века еще не позволяла осуществить подобный переход. Однако, как гласит этот нарратив, в XXI в. с появлением новых методов изучения мозга такое объединение оказывается возможным и продуктивным [Solms, Turnbull 2015]. Но действительно ли дело только в развитии технологий? Действительно ли изучение психической реальности — это просто вопрос совершенствования методов изучения мозга? Действительно ли можно проецировать метапсихологию Фрейда на физиологию и анатомию просто на том основании, что у нас появились новые приборы, позволяющие эту физиологию изучать? Разве можно так просто и поспешно обойти психофизическую проблему? И не возвращаемся ли мы в силу поспешности к допсихоаналитическому, дофрейдовскому пониманию психики, когда последняя просто отождествлялась с сознанием?

Фундаментальным открытием Фрейда был тезис о том, что сознанием психическая жизнь не ограничивается, сознание — это лишь верхушка психического айсберга, под которой находится сложная машинерия психических структур и процессов, на выходе и создающая то, что мы называем субъективной реальностью. В этом плане Фрейд атаковал картезианскую традицию, которая сводила ментальную жизнь исключительно к сознательной сфере [McDonald 2003: 279]. Нейронаука, критикуя Декарта [Damasio 2004], не обращает внимание на то, что в более фундаментальном плане она — по крайней мере в некоторых своих проявлениях — не преодолевает Декарта, но именно что возвращается к нему, снова сужая сферу психического до «мыслящей вещи», которую пытаются скоррелировать с «вещью протяженной».

В работе «О бессознательном» [Фрейд 2006 (1915): 111-128] Фрейд задается вопросом, можем ли мы отождествлять подводную бессознательную часть психики с мозговыми процессами. Сам он уходит от этого вопроса, считая его просто игрой в слова. Однако он перестает быть простой игрой в слова, если мы начинаем выводить из физиологии, а иногда и просто из анатомии мозга структуру психической реальности. Даже самые упертые натуралисты все же согласились в конце концов считать сознание чем-то отличным от мозга, хотя бы по причине квалиа, но готовы ли они пойти за Фрейдом дальше и признать, что сознание — это только часть психики, которая в свою очередь не может быть просто так отождествлена с мозгом: *functioning mind* не может быть так просто отождествлен с *functioning brain*. Не может ровно до тех пор, пока не будет предложено убедительное решение психофизической проблемы. Даже если психика и мозг — это две проекции одного и того же, то из этого никак не следует, что эти две проекции одинаковы. Даже

цилиндр, спроецированный в две разные плоскости — вертикальную и горизонтальную — даст две разные проекции: прямоугольник и круг. Этот прямоугольник и круг будут, безусловно, скоррелированы друг с другом, но нам едва ли стоит выводить из круга свойства прямоугольника и наоборот.

Гипотеза Фрейда выглядит почти безумной особенно по меркам XXI века — философам сознания еле-еле удалось убедить натуралистов-материалистов хотя бы в существовании сознания, которое не может быть редуцировано к мозгу, а здесь предлагается пойти дальше и ввести еще и психику как нечто качественно отличное от мозга¹. И это при том, что в пользу существования нередуцируемого психического нельзя даже сослаться на знаменитые квалиа, так как психика по ту сторону сознания этих квалиа как раз и лишена, сознание — это психика плюс квалиа, а бессознательное — это психика минус квалиа [Voag 2015: 239-268]. И все же без возвращения к психике, не тождественной сознанию, нам не обойтись.

58

То, что мы называем физической реальностью (в рамках так называемого наивного реализма), есть на самом деле реальность психическая/феноменальная, т. е. реальность, возникающая как слепок с недоступной для нас физической реальности, пропущенной через машину мозга и превращенной — неясным для нас образом — в ту самую доступную нам реальность психическую. В рамках психической реальности мы можем говорить, например, о психической материи, которая является репрезентацией материи физической после того, как последняя была каким-то образом переправлена через психофизический барьер. Вопрос о соотношении психической материи с физической не так прост. В отражении физической реальности психическая материя просто репрезентирует недоступные нам материальные объекты, но, например, в реальности сновидения эта психическая материя уже живет во многом своей жизнью, избавившись от своего объективного референта во внешнем мире. Точно так же можно говорить, например, о психическом времени в противовес времени физическому. Или же о психической каузальности в противовес каузальности физической. Для описания психической реальности требуется совершенно особая физическая теория.

1. Радикальность позиции Фрейда не в том, что он считал, что помимо сознания есть еще какая-то часть психического, которая находится вне сознания. Радикальность его позиции в том, что он считал всю психическую реальность изначально лишеной сознания, бессознательной — сознание появляется на следующем этапе и ухватывает лишь малую часть этой реальности. См. [Solms 1997: 681-703].

В задачи данного раздела не входит подробное описание физических свойств этой психической реальности. Я лишь хочу подчеркнуть, что психическую реальность нельзя редуцировать к реальности физической, а функционирование психики — к функционированию мозга как физиологического органа человека¹. Значимая часть психической реальности — это репрезентация физической реальности человеческому Я, которое тоже является порождением этой психической реальности. Репрезентацией более или менее точной, в противном случае человечество вряд ли бы сделало столь успешную эволюционную карьеру.

Однако — и тут начинается самый важный для психоанализа момент — помимо репрезентации физической реальности эта психическая реальность привносит и нечто свое, нечто сугубо субъективное. Отсюда ключевое положение Фрейда о том, что на физическую реальность накладывается еще что-то: а именно реальность психическая. Здесь надо сделать пометку, что эта физическая реальность сама является психической (в том смысле, что мы никогда не имеем дело с самими вещами напрямую, мы имеем дело лишь с их преломлением в нашей психике), а то, что Фрейд называет «психической реальностью», есть лишь еще один слой, накладываемый на эту психическую реальность, т. е. это как бы психическая реальность в квадрате или психическая реальность внутри психической реальности².

59

Дальше возникает собственно эпистемологический вопрос: а как именно эту психическую реальность можно изучать? Для того чтобы можно было идти от мозга, нам надо сначала если не решить психофизическую проблему (прежде всего ее самую сложную эмпирическую часть — как именно мозг порождает психику), то как минимум однозначно определить, как структура мозговых процессов проецируется на структуру психической реальности. Только в случае обнаружения такого фундаментального принципа мы можем делать однозначные выводы, например, о сознательном Оно или же о бессознательном Я на основании конкретной локализации в мозге нейронных коррелятов этих психических сущностей (как это делает Марк Солмс [Solms 2013]). Без фундаментального знания мы можем лишь говорить, условно говоря, о входе

1 Здесь можно задаться вопросом, а как мы вообще знаем, что эта физическая реальность по ту сторону психической вообще существует. Я не знаю, как это доказать, но я исхожу из того, что мир по ту сторону мозга существует хотя бы в силу того, что я не считаю людей вокруг меня творениями своего собственного мозга.

2 О том, что такое психическая реальность в психоанализе, шли и идут дискуссии, см.: [Arlow 1985; Wallerstein 1985; Widlöcher 2006].

и выходе, т. е. явление А из физической реальности мозга соответствует явлению Б из психической реальности субъективного сознания. Как именно одно соотносится с другим, что происходит при переходе из одной реальности в другую, что именно прибавляется к А или отнимается от него при его переходе к Б — об этом мы можем только гадать, соотнося вход и выход, но никак не ожидая получить на выходе то же самое А, которое мы замерили при входе. Возможно даже такое А из физической реальности, которое не имеет никакого Б из реальности психической. И наоборот — такое В из психической реальности, которое не имеет никакого А или Б в реальности физической. В этом смысле едва ли можно удивляться трудностям, с которыми сталкиваются нейроученые в поиске, например, механизма вытеснения именно в его психодинамической интерпретации.

60

Возьмем в качестве примера влечение. Возможно, исследования животных и позволяют проследить прямой бесшовный переход от физиологического влечения к его успешной реализации в поведении, например, крысы. Но подобный бесшовный переход применительно к человеку уже становится крайне проблематичным. Где-то в процессе этого перехода влечение превращается в желание, налетая как на риф на то, что Лакан называл символическим, т. е. налетая на процесс символизации этого влечения, на попытку ухватить это влечение с помощью означающих. А желание — это уже не простое влечение, которое может быть сведено к, например, семи базовым аффектам [Panksepp et al. 2012], это настоящий мучительный лабиринт, внутри которого скитается невротизированный субъект, пытающийся понять, что именно он хочет, зачем он этого хочет и почему, получив то, что он вроде как хотел, он понимает, что хотел вовсе не этого. На это накладывается еще и интерсубъективная природа желания. Желание — это всегда желание другого и в смысле того, что желание — это желание стать желанным в глазах другого, и в смысле того, что желание субъекта — это слепок с желания другого, желание получить то, что желанно для другого. Я хочу новую машину не потому, что у меня есть физиологическая потребность в ней, я хочу новую машину, потому что эту новую машину хотят другие, потому что она способна сделать меня желанным в глазах другого (например, той идеальной женщины, которую я хочу однажды встретить). Но новая машина, к сожалению, не делает меня желанным, поэтому круг желания запускается заново. Лакановский психоанализ допускает утопическую возможность возврата к влечению (по ту сторону невроза), но в таком случае это влечение становится влечением к смерти в смысле безрассудного следования за этим влечением, невзирая ни на какие обстоя-

тельства¹. Слова про желание могут показаться практикующим нейрочеловеком беллетристической, не доступной для эмпирической проверки, однако именно это и есть удел человеческий, именно это и есть человек как он предстает в истории, литературе, философии, религии. Именно такой образ должен прорисовываться в конечном итоге в работах нейропсихологического анализа, а не воображаемый гомункулус, у которого хвост от исследований животных (animal research), а уши от когнитивных наук (cognitive studies).

Марк Солмс справедливо предостерегает от «диванных спекуляций» и предлагает взять каждое положение и «протестировать его на соответствие реальности» [Solms, Turnbull 2015: 31]. Но что такое реальность применительно к человеку, если это не та самая реальность, с которой мы сталкиваемся в лице живого человека в естественной среде его обитания, т. е. в культуре. Тест на реальность должны выдерживать не только кабинетные спекуляции, но и «спекуляции в белых халатах», вытекающие из экспериментов в стерильных лабораторных условиях.

Вопреки Панкстеппу изучение «снизу вверх» не тождественно изучению «сверху вниз», а BrainMind — это не MindBrain, просто увиденный с другого конца. Это Brain и Mind, каждый из которых подлежит самостоятельному изучению в надежде, (которую, собственно, и воплощает начинание нейропсихологического анализа), что эти две реальности — физическая и психическая — однажды встретятся на этом таинственном психофизическом переломе. Если изучение Brain — это удел нейрочеловека, то изучение Mind или психики — это удел психоаналитиков. И здесь сразу возникает вопрос: а как изучать эту психику, если это не сознание, но нечто на чем это сознание, этот опыт Я выстраивается. Вся история психоанализа как исследовательского направления — попытка ответить на этот вопрос.

61

Не что, а кто: назад к субъекту

Но не получается ли у нас окончательное и бесповоротное разъединение мозга и психики, которые только в какой-то утопической перспективе идеального нейропсихологического анализа смогут снова соединиться и предстать в качестве чего-то единого? Для того чтобы избежать такого вывода, нам надо снова поставить вопрос о том самом третьем, что, с одной стороны, выглядит как мозг, а с другой — как сознательное переживание психической реальности. И здесь надо

¹ См. интерпретацию влечения к смерти в многочисленных работах Славоя Жижека [Žižek 2006: 62 и далее; также см. Hook 2016: 221-256].

понять — это третье не что-то, это третье — кто-то. Этим кем-то и является человек или субъект, который, с одной стороны, обладает мозгом, а с другой — психикой, и в недрах которого и происходит превращение влечения в желание и в целом физической реальности в психическую. Движение от мозга к психике и от психики к мозгу — это маленькие шаги навстречу пониманию субъекта во всей его многомерной сложности.

Субъект — это не просто субъективность в смысле способности к уникальному качественному переживанию опыта от первого лица. Это не просто субъектность в смысле способности быть основанием для собственных действий, например, в соответствии с принципом ментальной каузальности. Это вообще не набор способностей, функций, модулей, базовых влечений, это именно «кто». Субъект — этот тот, кто обладает всем этим, но при этом к ним не сводится. Это то целое, которое больше своих частей и которое может быть расчленено на эти части только аналитически, но лишь для того, чтобы быть снова собранным в это целое обратно. Если психоаналитическая часть в нейропсихоанализе что-то да значит, то значить она должна не просто заимствование психоаналитического жаргона, но акцент на целостности человека и его субъективного опыта. Великая заслуга Фрейда в том, что он увидел перед собой не просто биологический механизм с поврежденной деталью, но человека, запутавшегося в самом себе, в мире и в своих отношениях с окружающими. Психоанализ начинается с признания, что у симптомов есть *смысл*, что перед нами не просто чистая физиология, на которую можно воздействовать с помощью химии или электричества (не говоря уже про ножи для колки льда¹). А за смыслом всегда стоит живой человек, субъект.

Концептуализация субъекта — это еще один пример, почему невозможно просто транслировать физиологию в психологию, почему нельзя так просто отмахиваться от психофизической проблемы. Субъект, если речь идет о человеческом субъекте, не просто нарастает на нейронном базисе, эволюционируя от «прото-Я» (proto-self) до «автобиографического Я» (autobiographical self)², наоборот, он есть тот, кто разрывает эти нейронные связи, кто, собственно, и возникает в этих разрывах. Как пишет Жижек,

субъект (сознания) не является организмом, чей гомеостаз предшествует каждому нарушению этого гомеостаза и который пытается заново установить этот гомеостаз после каждого нарушения; субъект

1 Инструмент, с помощью которого в середине XX в. делали лоботомию.

2 Об этих уровнях Я см.: [Damasio 2010].

возникает через нарушение гомеостаза организма, он «является» самой активностью по обращению с нарушениями (the very activity of dealing with disturbances) [Žižek 2006: 223].

Именно здесь — в этом разрыве — и возникают человеческие эмоции

тревоги и ужаса. Тревога — это коррелят столкновения с той Пустотой, которая формирует самое средоточие субъекта; ужас — это опыт отворачиваемости жизни в ее самой чистой форме, в форме «немертвой» жизни [Ibid.: 227].

Даже концепция *autobiographical self*, которая вроде бы и призвана обозначать человеческого субъекта на высших ярусах его развития, промахивается мимо субъекта, так как

каждое признание субъектом себя в образе или цепи означающих (короче говоря, каждая идентификация) уже порочно в самой своей сути; каждое ликующее «Это я!» уже содержит зерна признания «Это не я!» ... субъект далеко не сводится к некоему сущностному ядру идентичности, недоступному для рефлексивной рекуперации (*recuperation*), субъект (в отличие от субстанции) возникает в тот самый момент, когда происходит сбой идентификации [Ibid.: 244].

63

Как бы мы не держались за эмпирический фундамент нейронауки, нам, если мы говорим о человеке, не избежать верификации получаемого на основании этого фундамента знания с другой стороны — со стороны человеческого опыта, доступного для каждого человека и многократно описанного и в рамках психоанализа, и в рамках литературы, религии, философии. Можно, конечно, объявить этот опыт донаучным — «народным опытом» (*folk experience*) по аналогии с «народной психологией» (*folk psychology*) — и противопоставить его научному опыту. Тому, как правильно интерпретировать данную тебе субъективную реальность, но в таком случае нейронаука превращается в аналог еврейской матери из анекдота, которая лучше всех знает, когда ее сыночек проголодался, а когда он хочет гулять.

Здесь же необходимо поставить вопрос о специфике именно субъективных нарушений в противовес нарушениям физиологическим. Дело в том, что в работах по нейропсихоанализу постоянно разбираются случаи, которые имеют безусловную значимость для нейронауки, но которые кажутся очень странными, будучи помещенными в психоаналитический контекст. Познавательное чтение про людей с физиологическими поражениями мозга, но все же психоанализ едва ли предназначен для исследования подобных нарушений — он интересуется нарушениями на более высоком уровне: когда мозг в порядке, но вот субъекту от этого ничуть не легче. Катрин Малабу

справедливо обращает внимание на то, что «психоанализ и неврология исходят из разного понимания перемен», что касается психоаналитических расстройств,

то какими бы фундаментальными они ни были бы, подобные «изменения» или «модификации» никогда не подразумевают тотального разрыва с предшествующей личностью пациента [Malabou 2012: 15].

Нарушения, связанные с повреждениями мозга, «проявляют себя как беспрецедентные метаморфозы идентичности пациента» [Ibid.]. Нарушения мозга в отличие от нарушений психики лишены какого-либо субъективного смысла. В этом плане их вообще невозможно считать симптомом, тем, что является представителем в сознании того, что этот симптом вызывает, но что по тем или иным причинам не может присутствовать в сознании в непосредственном качестве. Они просто есть и если они есть, то личность человека бесповоротно меняется, превращаясь в новую субъективную реальность, с которой уже субъект может пытаться примириться.

64

У психоаналитических симптомов есть смысл — в этом плане они сами часть субъекта, часть того конфликта, внутри которого человек запутался и из которого он порой не может выйти без посторонней помощи. Нарушение работы мозга — это лишь еще один способ влияния физического мира на психический. В этом плане эти нарушения мало чем отличаются, например, от головной боли. Головная боль — это то, что тебя беспокоит и от чего необходимо избавиться с помощью таблетки. При этом глупо вопрошать, в чем смысл головной боли и симптомом какой лжи внутри меня эта боль является. Но если речь идет о субъекте, который запутался в себе, в мире, во взаимоотношениях с окружающими, которого гложет чувство вины или собственной неполноценности, то от таких проблем невозможно избавиться таблеткой или же нейрохирургическим вмешательством. Страдания человека, который ошибочно «принял свою жену за шляпу» [Сакс 2015], это не то же самое, что страдания человека, который ошибочно «принял свою жену за объект-причину желания»¹. Неспособность различать эти два принципиально различных вида страдания — еще одно тревожное следствие отказа от серьезной постановки психофизической проблемы и слишком поспешного перевода физиологии в психику, а психику — в физиологию.

Однако, сказав слово «субъект», мы стремительно влетаем в следующую проблемную область. Субъекты не существуют по одиночке. Субъект возникает как результат интерсубъективного

1 Это отсылка к ключевому понятию лакановского психоанализа *objet petit a*.

взаимодействия с другими субъектами, которое, в свою очередь, предопределяется Большим Другим в смысле того надсубъектного, наиндивидуального символического порядка, за счет встраивания в который индивид — в буквальном смысле сгусток живого мяса — и обретает целостность, идентичность, не только телесную, но и «автобиографическую», если воспользоваться термином Дамасио. Он осознает себя мальчиком, а не девочкой, ребенком, а не родителем, немцем, а не американцем, человеком, а не животным, «хорошим мальчиком», а не «плохим». Субъект — производная от этого порядка, его участь — это бесконечное блуждание по символическим лабиринтам в качестве доведка к тому означаемому (муж, отец, примерный работник, добропорядочный гражданин), к которому его в данный момент прицепило. Если Катерины Фотопу и Манос Цакирис правы в своем выводе о том, что

самые минимальные аспекты Я, в частности, переживание себя в качестве воплощенного, действующего субъекта фундаментальным образом формируются через телесные взаимодействия с другими людьми в раннем детстве и далее [Fotopoulou, Tsakiris 2017: 6]

и что «таким образом существует преемственность между минимальным и интерактивным, социальным Я» [Ibid.: 22], то мы не можем игнорировать этот интерсубъективный момент, выбрасывающий нас из физиологии в культуру, считая его лишь неким позднейшим доведком к сугубо автономной естественной (в противовес культурной) индивидуальной деятельности мозга. Большой Другой, по словам Луи Альтюссера,

ожидает, еще до всякого рождения, появления ребенка, чтобы схватить его в момент самого первого крика и прописать его место и роль, тем самым насильно предопределив его судьбу [Althusser 2003: 55].

Нейропсихоанализ и критика идеологии

Эта лаканианская рефлексия о субъекте может снова показаться оторванной от эмпирических реалий философскими рассуждениями. Однако такое рассуждение необходимо, чтобы, во-первых, обратить внимание на первичность и вездесущность культуры, которая не может быть вплетена в нейропсихоаналитическое повествование когда-нибудь потом, на каком-то более позднем этапе. Во-вторых, чтобы плавно перейти к вопросу, как культура невидимым образом уже проникла в нейропсихоанализ и продолжает там существовать в результате все того же пресловутого слишком поспешного и до конца не отрефлексированного скачка из физиологии в психологию. Роберт Самуэльс справедливо указывает, что нейронаука,

в частности, в лице Дамасио, — и нейропсихоанализ, к сожалению, тут не исключение —

пытается натурализовать теорию природы, которая [теория] сама отчасти является продуктом политической идеологии и социальных договоренностей [Samuels 2017: 9].

Акцент на

саморегулировании и выживании представляет собой непризнаваемое идеологическое предпочтение индивидуального эгоизма в натурализованной конкурентной среде [Ibid.: 10].

В некритическом постулировании тезиса о выживании в качестве предельного основания для существования человеческого сознания и в конечном счете человека как такового (а это постоянный рефрен в книгах о нейронауке) присутствует опасная натурализация идеологии «нейролиберализма», которая путем

66

использования науки для легитимизации политики и сложившегося *status quo* позволяет людям утверждать, будто бы их идеология не является идеологической в силу того, что она основывается на фактах [Ibid.: 18].

Странно получается, когда строго научный анализ — факты и ничего кроме фактов! — на выходе дает нам простой пересказ основных положений доминирующей на сегодняшний день идеологии.

Психоаналитическая теория наряду с критической теорией предполагает критику такой идеологии и попытки натурализации этой идеологии путем апелляции к «фактам» нейронауки. Нейропсихоанализ, опять же если психоаналитическая составляющая в нем играет хоть какую-то роль, должен сопротивляться подобному некритическому встраиванию себя в политическую игру, когда социальная и политическая несправедливость натурализуется ссылками на то, что, якобы, ученые доказали. И снова не надо быть большим нейроученым, чтобы увидеть произвольность тезиса, что сознание необходимо нам для выживания. Возможно, оно когда-то действительно было необходимо нам для выживания, но с тех пор многое изменилось. Трудно соотнести тезис о выживании с тем, что мы знаем о современном человеке, учитывая то количество усилий, которое современный человек тратит на то, чтобы пощипать себе нервы, или же на то, чтобы оборвать то комфортное существование, к которому он должен в соответствии с тезисом о выживании стремиться. Выживание — это какая-то особая культурная практика, связанная с желанием побыть «как Беар

Гриллс» или с увлечением популярной биологией, превращающей индоктринированного ею индивида в эгоиста, расталкивающего окружающих локтями с целью урвать свой кусок жизни и доказать окружающим, что он альфа-самец/самка.

В нейронауке есть постоянно присутствующая опасность доминирования упрощенных, почти карикатурных версий того, что такое человек. Карикатурных версий, которые преподносятся как нечто новое и невероятно продвинутое — ведь они основаны на настоящей эмпирической науке, а не на каких-то философских спекуляциях. Эту опасность прекрасно выразили составители одного из сборников, посвященного критическому анализу нейронауки.

Если лишить человека прежних гуманистических и психологических атрибутов, то не приведет ли это к тому, что у нас останутся только реальные и конкретные факты, касающиеся человеческой жизни и сводящиеся к взаимодействию мозга с объектами (*the brain-object-icou*) — есть, пить, заниматься сексом, — прикрытые сверху некоторым мышлением и взаимодействием с другими так, чтобы это последнее осуществлялось культурным и слегка сублимированным образом? [de Vos, Pluth 2016: 25]

67

Ресурсы психоанализа есть ровно та ценная часть нейропсихоанализа, которая может позволить поставить эти опасные и крайне идеологизированные карикатуры под сомнение. В противном случае сам нейропсихоанализ рискует стать объектом нападков со стороны критической теории не только за общую нейронаучную приверженность концепции выживания, но еще и за стерилизацию критического потенциала психоанализа за счет его вбирания в себя (по принципу держи друга близко, а врага еще ближе).

Заключение

В этой статье я попытался обозначить основные концептуальные проблемы, связанные с нейропсихоанализом. Речь прежде всего идет о недостаточном внимании к психофизической проблеме, что приводит к поспешному переходу от психического к физическому. Эта поспешность противоречит тому подходу к решению проблемы мозг — сознание/ум, которое нейропсихоанализ заявляет в качестве своего, т. е. *dual-aspect monism*. Из этой поспешности вытекает и целый ряд других сложностей: переход от физиологии к психологии, от биологического к социальному, от нейронаучного к психоаналитическому, игнорирование символического измерения человеческой субъективности, смешение физиологических и субъективных расстройств, некритическое проникновение идеологии в самое ядро эмпирических исследований и т. д.

Однако все же я написал данную работу не с целью критики нейропсихоанализа. Такая критика уже неоднократно звучала [Blass, Zvi Carmeli 2007; Blass, Zvi Carmeli 2015] как со стороны психоаналитиков, так и со стороны представителей нейронауки. Я написал ее с целью симпатизирующей рефлексии о том, что такое нейропсихоанализ и какие вызовы стоят перед этой дисциплиной, если она намерена развиваться дальше. По сути это вопрос об идентичности нейропсихоанализа. Что это с точки зрения нейрочученых: протуберанец из мира нейронауки, который пытается выйти на новый оперативный простор, захватив часть психоаналитического наследия в качестве форпоста для дальнейшего продвижения? Но если это только часть психоаналитического наследия, та, которая подобно разношенным тапочкам «не жмет», то тогда психоанализ — это просто случайный попутчик нейронауки, от которого она со временем избавится в тот момент, когда окрепнет на новой территории и воздвигнет на месте прежних форпостов свои нейронаучные укрепления. Что это с точки зрения психоаналитиков: мощный союзник, ухватившись за рукав которого можно в положении бедного родственника въехать в почти захлопнувшиеся для психоанализа двери современной науки? Но если это так, то глубоко запрятанное чувство ущемленной гордости возьмет свое, и бедный родственник уйдет, громко хлопнув дверью.

Или же это действительно трансдисциплинарный подход? Но в таком случае нейронауке придется двигаться дальше, вбирая в себя все элементы психоанализа, в том числе и способные изрядно потрясти основания современной королевы естественных наук. А психоанализу — не довольствоваться скромным местечком в углу стола, но отвоевывать право на свой собственный голос в этом перспективном трансдисциплинарном подходе.

Но где же именно остановится нейропсихоанализ? До какого предела в освоении психоаналитического наследия готовы пойти нейрочученые, прежде чем сказать: «Нет, мы достигли предела, дальше наши пути неминуемо расходятся!». До какого предела в принятии нейронаучного подхода готовы пойти психоаналитики, прежде чем сказать: «Нет, мы достигли предела, дальше наши пути неминуемо расходятся!». Нейронаука не может предать научный метод, которому она обязана своим развитием, а значит не может пойти дальше, чем этот научный метод может ее привести. Психоанализ не может предать человеческий субъект, ради постижения и помощи которому он возник, а значит, не может пойти на компромисс с упрощенными криптоидеологизированными карикатурами на человека, пусть даже эти карикатуры и рисуются на основании научного метода в самых престижных университетах мира.

И, наконец, трансдисциплинарный подход к чему? К мозгу? К психике? Но если это разные вещи, то не окажется ли нейропсихологический анализ поспешной попыткой совместить несовместимое? Не будет ли это временным сожителем, которое закончится в момент угасания взаимного интереса, — психоанализ найдет свою самостоятельную нишу в академии, а нейронаука найдет более удобного сожителя в пространстве исследований психики? Или, может быть, это трансдисциплинарный подход к кому? К человеку, человеку как субъекту? Но в таком случае нейропсихологический анализ должен будет двигаться к созданию комплексного подхода к человеческому субъекту. И тогда нейропсихологическому анализу не уйти ни от вопроса о психике не просто как качественной доведки к физиологии, но как целой реальности, не менее сложной, чем физиология мозга, ни от вопроса о культуре не просто как розетки, в которую созданный в процессе эволюции BrainMind включается/выключается по своему усмотрению, но как всеобъемлющей среды, частью которой этот BrainMind/MindBrain является с самого первого электрического раската своих нейронов.

Библиография / References

69

Каплан-Солмс К., Солмс М. (2016) *Клинические исследования в нейропсихологии. Введение в глубинную нейропсихологию*, М.: Академический проект.

— Kaplan-Solms K., Solms M. (2016) *Clinical Studies in Neuro-Psychoanalysis. Introduction to a Depth Neuropsychology*, Moscow: Academic Project. — in Russ.

Сакс О. (2015) *Человек, который принял жену за шляпу, и другие истории из врачебной практики*, М.: АСТ.

— Sacks O. (2015) *The Man Who Mistook His Wife for a Hat: And Other Clinical Tales*, Moscow: AST. — in Russ.

Узланер Д. (2017) В защиту психоанализа. *Неприкосновенный запас*, 114 (4): 244-263.

— Uzlaner D. (2017) In defense of psychoanalysis. *Neprikosnovenny zapas*, 114 (4): 244-263. — in Russ.

Фрейд З. (2006) Бессознательное [1915]. *Собрание сочинений в 10 т. Т. 3. Психология бессознательного*, М.: Фирма СТД.

— Freud S. (2006) Unconscious [1915]. *Collected works in 10 vols. Vol. 3. Psychology of Unconscious*, Moscow: STD. — in Russ.

Althusser L. (2003) Freud and Lacan. S. Žižek (ed.) *Jacques Lacan: Critical Evaluations in Cultural Theory*. V. III (Society, Politics, Ideology), London; New York: Routledge.

Arlow J.A. (1985) The concept of psychic reality and related problems. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 33 (3): 521-535.

Bennett M.R., Hacker P.M.S. (2003) *Philosophical Foundations of Neuroscience*, Wiley-Blackwell.

Blass R.B., Zvi Carmeli (2007) The Case Against Neuropsychanalysis. On Fallacies Underlying Psychoanalysis' Latest Scientific Trend and Its Negative Impact on Psychoanalytic Discourse. *The International journal of psychoanalysis*, 88 (1): 19-40.

Blass R.B., Zvi Carmeli (2005) Further Evidence for the Case Against Neuropsychanalysis: How Yovell, Solms, and Fotopoulou's Response to Our Critique Confirms the Irrelevance and Harmfulness to Psychoanalysis of the Contemporary Neuroscientific Trend. *The International journal of psychoanalysis*, 96 (6): 1555-1573.

Boag S. (2015) In defence of unconscious mentality. Boag S., Brakel L.A.W., Talvitie V. (eds) *Psychoanalysis and philosophy of mind. Unconscious mentality in the twenty-first century*, London: Karnac Books: 239-268.

Damasio A.R. (2004) *Descartes' Error. Emotion, Reason and the Human Brain*, New York: Quill.

Damasio A.R. (2010) *Self Comes to Mind. Constructing the Conscious Brain*, New York: Pantheon Books.

70

Fotopoulou A., Tsakiris M. (2017) Mentalizing homeostasis: the social origins of interoceptive inference. *Neuropsychanalysis*, 19 (1).

Hartmann Cardelle V.A. (2019) Metapsychological consequences of the conscious brainstem: A critique of the conscious id. *Neuropsychanalysis*, 21 (1): 3-22.

Hook D. (2016) Of Symbolic Mortification and "Undead Life": Slavoj Žižek on the Death Drive. *Psychoanalysis and History*, 18 (2): 221-256.

Legrenzi P., Umilta C., Anderson F. (2011) *Neuromania: On the limits of brain science*, Oxford: Oxford University Press.

Lehar, S. (2012) *The World in Your Head. A Gestalt View of the Mechanism of Conscious Experience*, New York, London: Psychology Press.

Malabou C. (2012) *The New Wounded: From Neurosis to Brain Damage*. N.Y.: Fordham University Press.

McDonald P.S. (2003) *History of the Concept of Mind: Speculations about Soul, Mind, and Spirit from Homer to Hume*, London; New York: Routledge.

Metzinger Th. (2011) *The Ego Tunnel. The Science of the Mind and the Myth of the Self*. New York: Basic Books.

Northoff G. (2011) *Neuropsychanalysis in Practice. Brain, Self, and Objects*, Oxford: Oxford University Press.

Northoff G. (2012) Psychoanalysis and the brain — why did Freud abandon neuroscience? *Frontiers in Psychology*, 3.

Panksepp J., Biven L. (2012) *The Archaeology of Mind. Neuroevolutionary Origins of Human Emotions*, New York; London: W.W. Norton & Company.

Panksepp J., Biven L., Siegel D.J. (2012) *The archaeology of mind. Neuroevolutionary origins of human emotions*, New York: W.W Norton.

- Reynaert P. (2016) Neuroscientific dystopia: does naturalism commit a category mistake? Vos J. de, Pluth Ed. (eds) *Neuroscience and Critique: Exploring the Limits of the Neurological Turn*, London; New York: Routledge: 65-72.
- Revonsuo, A. (2009) *Inner Presence. Consciousness as a Biological Phenomenon*, Cambridge, Mass., London: MIT Press.
- Revonsuo A. (2010) *Consciousness. The Science of Subjectivity*. Hove, New York: Psychology Press.
- Revonsuo A. (2018) Biological naturalism and biological realism. Rocco J. Gennaro (Ed.) *The Routledge Handbook of Consciousness*, New York: Routledge. P. 188–201.
- Samuels R. (2017) *Psychoanalyzing the Politics of the New Brain Sciences*, Palgrave MacMillan.
- Schwartz C. (2015) *The Mind Fields: Exploring the New Science of Neuropsychology*, New York: Vintage Books.
- Solms M. (2014) A neuropsychanalytical approach to the hard problem of consciousness. *Journal of integrative neuroscience*, 13 (2): 173–185.
- Solms M. (2017) The unconscious in psychoanalysis and neuroscience. An integrated approach to the cognitive unconscious. Leuzinger-Bohleber M., Arnold S., Solms M. (eds) *The Unconscious: A Bridge between Psychoanalysis and Cognitive Neuroscience*, London; New York: Routledge.
- Solms M., Turnbull O. (2002) *The Brain and the Inner World: An Introduction to the Neuroscience of Subjective Experience*, London; New York: Other/Karnac.
- Solms M., Turnbull O. (2011) What is neuropsychology? Neuropsychology: An Interdisciplinary. *Journal for Psychoanalysis and the Neurosciences*, 13 (2).
- Solms M., Turnbull O.H. (2015) What is neuropsychology? *The Feeling Brain. Selected Papers on Neuropsychology*, London: KARNAC.
- Solms M. (2013) The conscious Id. *Neuropsychology*, 15 (1): 5–85.
- Solms M. (1997) What is consciousness? *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 45 (3): 681-703.
- Stubenberg L. (2010) Neutral monism. Zalta E.N. (ed.) *Stanford Encyclopedia of Philosophy* (<http://plato.stanford.edu/entries/neutral-monism/>).
- Tallis R. (2011) *Aping Mankind. Neuromania, Darwinists and the Misrepresentation of Humanity*, Durham: Acumen Publishing Limited.
- Talvitie V., Ihanus J. (2006) The psychic apparatus, metapsychology, and neuroscience: toward biological (neuro)psychoanalysis. *Neuropsychology*, 8 (1).
- Vos J. de, Pluth E. (eds) (2016) *Neuroscience and Critique: Exploring the Limits of the Neurological Turn*, London; New York: Routledge.
- Wallerstein R.S. (1985) The concept of psychic reality: its meaning and value. *Journal of the American Psychoanalytic Association*, 33 (3): 555-569.
- Widlöcher D. (2006) Psychic Reality: Belief or Illusion? Psychoanalytic Tradition as Belief in Psychic Reality. *American Imago*, 63 (3): 315-329.
- Žižek S. (2006) *The Parallax View*, Cambridge, Massachusetts; London: The MIT Press.

Рекомендация для цитирования:

Узланер Д.А. (2020) Нейропсихоанализ и его концептуальные проблемы. *Социология власти*, 32 (2): 48-72.

For citations:

Uzlaner D.A. (2020) Neuropsychanalysis and Its Conceptual Problems. *Sociology of Power*, 32 (2): 48-72.

Поступила в редакцию: 07.06.2020; принята в печать: 15.06.2020

Received: 07.06.2020; Accepted for publication: 15.06.2020